

Ли В.С.
**Дискурс как категория
современной теоретической
лингвистики**

В статье рассматриваются теоретические вопросы, связанные с установлением онтологии дискурса как одной из центральных категорий когнитивно-дискурсивной парадигмы гуманитарного знания. При определении сущности дискурса учитывается сложная, многоаспектная природа этого феномена речемыслительной деятельности говорящего субъекта. Приравнивание дискурса и текста, широко распространенное в современной лингвистике, приводит не только к сужению понятия дискурса, но и не способствует установлению сущности дискурса. В статье рассматриваются и другие концепции дискурса, начиная с понимания дискурса как аналога функционального стиля языка, кончая трактовкой дискурса как особого языка, «языка в языке» или «языка в действии». При этом учитываются и экстралингвистические факторы (прагматические, социокультурные, психологические и др.), которые во многом определяют коммуникативную составляющую дискурса. Эти параметры надстраиваются над собственно лингвистическими характеристиками, тем самым способствуя формированию объемного, многостороннего и целостного представления о дискурсе, об этом сложном междисциплинарном понятии современной науки.

Ключевые слова: дискурс, текст, речь, речевая деятельность, речевой материал, дискурсивный анализ.

Lee V.S.
**Discourse as a category of
modern theoretical linguistics**

The article considers the theoretical questions connected with the establishment of the ontology of discourse as one of the central categories of cognitive discursive paradigms of humanitarian knowledge. When determining the essence of discourse, the difficult, multidimensional nature of this phenomenon of mental-speech activity of the speaking subject is considered. Equating the discourse and the text, widespread in modern linguistics, leads not only to narrowing of the concept of discourse, but it also doesn't promote the establishment of the essence of discourse. The article considers other concepts of discourse, beginning with understanding of discourse as the analog of functional style of language and finishing with the interpretation of discourse as special language, «language in language» or «language in operation». Thus, extralinguistic factors (pragmatic, sociocultural, psychological, etc.) are considered which in many respects define a communicative component of discourse. These parameters are built over linguistic characteristics, thereby promoting the formation of the multilateral and complete idea of discourse, of this difficult interdisciplinary concept of modern science.

Key words: discourse, text, speech, speech activity, speech material, discursive analysis.

Ли В.С.
**Заманауи теориялық
лингвистиканың категориясы
ретіндегі дискурс**

Бұл мақалада гуманитарлық білім берудегі когнитивтік-дискурстік парадигманың негізгі категориясының бірі ретінде дискурс онтологиясын анықтаудың теориялық мәселелері қарастырылған. Дискурстың маңыздылығын анықтаған кезде сөйлеушінің сөйлеу-ойлау қабілетінің ерекшелігі өте күрделі, көпаспектілі жаратылыс екені ескеріледі. Қазіргі лингвистикада «дискурс» ұғымы көбінесе «мәтін» ұғымына теңестіріп, дискурс мағынасын тарылтуда, сөйтіп дискурс мағынасын анықтаудың да себебі болмауы мүмкін. Осы мақалада дискурстың басқа да тұжырымдамалары тілдің функционалдық стилі деген ұғымынан бастап, дискурс «тіл ішіндегі тіл» немесе «қимыл, қатынастағы тіл» деген ерекше тіл ретіндегі ұғыммен қарастырылған. Сонымен дискурстың коммуникативтік құраушысын айқындайтын экстралингвистикалық факторлар да (прагматикалық, мәдени-әлеуметтік, психологиялық және т.б.) ескерілген. Осы параметрлер өзінің лингвистикалық сипаттамаларымен өріс алып тұр, сонымен қатар, жалпы дискурс теориясының сипаты заманауи ғылымның ақымды, көптарапты және бірыңғай пәнаралық сала деуге болады.

Түйін сөздер: дискурс, мәтін, сөйлеу, сөйлеу әрекеті, сөйлеу материалы, дискурстық талдау.

**ДИСКУРС
КАК КАТЕГОРИЯ
СОВРЕМЕННОЙ
ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ
ЛИНГВИСТИКИ**

Состояние современной лингвистики невозможно охарактеризовать какой-то единой схемой или каким-то единым определением, как это принято делать в историографии науки о языке (ср. такие наименования ведущих школ прошлого, как «сравнительно-историческое языкознание», «индоевропейистика», «компаративистика», «структурализм» и т. п.). Тем не менее, можно считать, что состояние современной лингвистике во многом определяет когнитивно-дискурсивная парадигма научного знания. Весьма показательно, что термин «дискурс», сугубо лингвистический по своему происхождению и по своей онтологии, стал в какой-то мере общеупотребительным, «модным» словом, используемым в речи журналистов, политиков, социологов, публицистов и прочих пользователей языка. И следует согласиться с М.Л. Макаровым, который пишет так: «Сегодня категория *дискурса* ... играет роль, подобную той, что отведена *евро* в европейской экономике» [1, 11]. И такое, широкое, подчас ничем не обоснованное использование сугубо лингвистического термина «дискурс» требует прежде всего теоретического осмысления этой категории современного научного знания.

Как известно, термин «дискурс» в близком к современному пониманию значении стал использоваться в лингвистике с 70-80-х годов XX века, однако в некоторых направлениях в зависимости от их научных традиций под ним подчас имелось в виду понятие, вкладывавшееся в уже известный термин. В европейских школах (и в российских, в том числе) с дискурсом обычно связывалось понятие функционального стиля как особого типа текстов (книжно-письменных, публицистических, официально-деловых, устно-разговорных и т.п.) со свойственными каждому из них особенностями в использовании лексических, синтаксических и др. языковых средств. В других направлениях лингвистики под дискурсом понимался именно текст как данность. «Дискурс, – писала Т.М. Николаева в 1978 г., – многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в значениях, почти омонимичных. Важнейшие из них: 1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная» [2,

7]. В дальнейшем становилось очевидным, что узкотекстовый подход (дискурс = текст) делает излишним введение в лингвистику понятия дискурса, поэтому научно-исследовательская мысль пошла по пути уточнения предметной области вообще теории дискурса.

Обсуждение проблемы статуса дискурса и интенсивная работа по дискурсивному анализу, активизировавшиеся в последние десятилетия (см., в частности, [3], [4]), показали многообразие характеристик и признаков, присущих дискурсу и свидетельствующих о сложной природе этого лингвистического феномена. Однако и сейчас нельзя говорить о каком-либо однозначном понимании термина «дискурс», поэтому права Е.С. Кубрякова, которая пишет: «... мы по-прежнему очень далеки от создания единой и целостной теории дискурса. Более того: даже на современной ступени развития лингвистической мысли вряд ли можно говорить о существовании общепринятого определения дискурса и вряд ли можно рассматривать какое-либо из предлагаемых определений в качестве предпочтительного. В условиях существования разных подходов к определению дискурса... и выделения разных аспектов его исследования было бы нецелесообразно предпочитать априорно какой-то один из них. Как отмечает У. Чейф, «продолжает оставаться необходимость модели естественного дискурса, которая объединила бы разнообразные когнитивные и социальные факторы, ответственные за организацию языка. Дискурс многосторонен, и достаточно очевидна ограниченность любых попыток отразить его моделирование, сведя дискурс к одному или двум измерениям...» [5, 9]. Действительно, понятие дискурса нельзя «сводить к одному или двум измерениям», в онтологии оно охватывает все аспекты языка, начиная с когнитивного (психолингвистического), связанного с речемыслительной деятельностью человека, кончая собственно текстовыми, проявляющимися также и в особенностях употребления языка отдельным индивидом. Эта многоплановость дискурса отражена в дефиниции Н.Д. Арутюновой, считающейся пока наиболее полным определением: «Дискурс – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Д. – это речь, «погруженная в жизнь».

Поэтому термин «Д.», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и др. текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [6, 136-137].

Многочисленные трактовки дискурса, представленные в современной лингвистике, можно свести к нескольким основным. Прежде всего наиболее очевидна формальная трактовка, когда под дискурсом понимается любое высказывание, большее чем отдельно взятое предложение, «язык выше уровня предложения или словосочетания». В таком случае сложным оказывается установление верхней границы дискурса. Впрочем, и нижняя граница становится не столь очевидной. Ведь два связанных между собой предложения не всегда образуют дискурс, поскольку они могут составлять лишь один из фрагментов дискурса. И с другой стороны, отдельно взятое предложение и даже слово в определенных прагматических и социально-культурных контекстах могут восприниматься как полноценная репрезентация дискурса (ср., к примеру, так называемые одностишия, различного рода информативно-самодостаточные словесные знаки типа *Просим не шуметь; Идет съемка!*; *От себя* (надпись на ручке двери) и др.). Однако в дискурсивном анализе сугубо формальное определение часто служит естественным и наиболее простым подходом при выделении начальных (исходных) единиц дискурса. Такой, формальный, подход к дискурсу, часто используемый в исследованиях, следует рассматривать в качестве рабочего, вспомогательного приема, используемого лишь для предварительного выделения объекта анализа, поэтому под дискурсом можно понимать некую связную последовательность отдельных высказываний (предложений), образующих текст. В таком случае исследование дискурса сводится к описанию его грамматики (синтаксиса) по аналогии с грамматикой языка вообще.

Помимо формальной, в лингвистике широко представлены различные версии функционального толкования дискурса. Наиболее общее определение в таком случае будет указание на любое употребление или использование языка, т.е. дискурс – это собственно речь, речевая деятельность, сообщение. Однако такая трактовка мало содержательна и поверхностна, так как в ней не указываются релевантные признаки, признаки, отличающие дискурс от смежных лингвистических понятий. Вместе с тем необходимо отметить, что сам функциональный подход подчеркивает самую существенную характеристику дискурса, а именно, ее динамичную, «процессную»

природу, чем в принципе дискурс отличается от текста как результата дискурсивной деятельности. Чтобы подчеркнуть этот аспект дискурса, нередко в определениях используют разные его переосмысления или разные его проявления. У Н.Д. Арутюновой – это «речь, погруженная в жизнь» или «текст, взятый в событийном аспекте», у Е.С. Кубряковой – это рассмотрение текста *on line*, т.е. «рассмотрение речевого произведения или текста по мере его поступления, по мере его понимания» [5, 22], у А.А. Кибрика и В.А. Плунгяна – это «функционирование языка в реальном времени» [7, 308] и др. Во всех этих и подобных им определениях подчеркивается динамический, процессный характер языковых проявлений (ср. гумбольдтовское «*energeia*»), поэтому анализ дискурса в отличие от анализа текста предполагает исследовательскую работу на уровне речемыслительной деятельности, на уровне развертывания мыслительного, по природе пропозиционального, содержания в реальной речи, чем, собственно, и было обусловлено понимание дискурса как речевой (или коммуникативной) деятельности.

В современной лингвистике представлены также различные теории, которые используют при определении дискурса экстралингвистические факторы: социально-культурные, социально-этические, прагматические, мировоззренческие, идеологические, этнопсихологические, профессионально-групповые, индивидуально-личностные и др. В дефиниции Н.Д. Арутюновой этот аспект дискурса сформулирован следующим образом: «речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)».

Включение в понятие дискурса категорий социально-психологического характера, связанных со «взаимодействием людей», с миром их ментальной деятельности, свидетельствует о естественном сближении дискурсивной теории и антропоцентрической парадигмы языка, поскольку дискурс – это целенаправленное коммуникативное действие говорящего субъекта, мировидение и миропонимание которого проявляются именно в дискурсивной деятельности. Поэтому исследование дискурса как лингвистического феномена предполагает включение в его предметно-содержательную сферу личности автора дискурса, т.е. дискурсивной личности. В русистике вместо термина «дискурсивная личность» принято после Ю.Н. Караулова использовать термин «языковая личность». Исследование дискурса как проявление

личностного «вкуса» его творца, чья речевая деятельность, тем не менее, обусловлена социально-культурными, конкретно-историческими и мировоззренческими обстоятельствами, – одна из важнейших и перспективных задач современной лингвистики

Обогащение и углубление понятия дискурса не только за счет категорий ментальности отдельной личности, но и общественно-исторических характеристик позволяют рассматривать дискурс как социальную данность и видеть в нем проявление особой социальной ментальности. На этот аспект дискурса обращает внимание Ю.С. Степанов, который в своих положениях опирается на работу швейцарского лингвиста Патрика Серио «Анализ советского политического дискурса» (1985). П. Серио на материале текстов партийных документов советского периода исследует приемы «манипулирования языком», создающие не особый язык или подъязык, не особый стиль, а новый дискурс, под которым понимается «первоначально особое использование языка, в данном случае русского, для выражения особой ментальности, в данном случае также особой идеологии; особое использование влечет активизацию некоторых черт языка и, в конечном счете, особую грамматику и особые правила лексики» [8, 38-39]. Ю.С. Степанов подчеркивает, что дискурс создает особый «ментальный мир» с помощью активизации некоторых черт языка, в рассматриваемом случае – русского. Для советского политического дискурса, по мнению П. Серио и Ю.С. Степанова, наиболее показательными являются номинализации и сочинительная связь. С помощью этих средств русского языка создается та особая социальная ментальность и идеология советского периода, которая может охарактеризована как «устранение субъекта», «исчезновение авторства» и в конечном итоге «исчезновение ответственности». Подчеркивая именно социальную и креативную, «миросозидающую» природу дискурса и считая, что дискурс создается не во всяком языке, Ю.С. Степанов дает следующее определение: «... дискурс – это «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей «грамматики» и своего «лексикона», как язык просто, дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете – особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила сино-

нимических замен, свои правила истинности, свой этикет. Это «возможный (альтернативный) мир» в полном смысле этого логико-философского термина» [8, 44-45].

Широкий спектр использования языка учитывается также в концепции одного из основоположников лингвистики текста Т. ван Дейка, который под дискурсом понимает сложное социально-коммуникативное явление, в формировании которого, помимо прагматических и когнитивных факторов, участвуют такие социальные составляющие, как этнический статус говорящего субъекта (в частности, относится ли он к этническому меньшинству или большинству), его коммуникативные установки, мнения, предубеждения и т.п. экстралингвистические условия: «... дискурс не является лишь изолированной текстовой или диалогической структурой. Скорее это сложное коммуникативное явление, которое включает в себя и социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации (и их характеристиках), так и о процессах производства и восприятия сообщения» [9, 113].

В лингвофилософском и общетеоретическом смысле понятие дискурса во многом согласуется и перекликается с классическим учением о языке и речевой деятельности, в частности с теоретическими положениями Гумбольдта, Поттебни, Соссюра, Щербы. В данном случае речь идет не только о терминологических и содержательно-понятийных истоках и перекличках разных научных школ и традиций, но и о дальнейшем уточнении и углублении когда-то высказанной идеи. И здесь уместным будет вспомнить слова А.А. Поттебни об отличии произведений научного творчества от поэтических: «Есть много созданных поэзией образов, в которых нельзя ничего ни прибавить, ни убавить; но нет и не может быть совершенных научных произведений» [10, 196]. Поэтому в научной теории со временем, если она действительно подтвердила свою состоятельность, непременно нужно что-то «убавить» или что-то «прибавить», поскольку новые знания корректируют и уточняют предметную область теории, а порой открывают новые перспективы для нее. Современные представления о природе дискурса, действительно, во многом продолжают плодотворные идеи лингвистов прошлого, в учениях которых можно найти даже прямые параллели с определениями и характеристиками, принятыми в некоторых направлениях теории дискурса. Так, в учении Л.В. Щербы о трех аспектах языковых явлений понятие языкового материала, тесно связанное с речевой

деятельностью, формулируется с помощью тех же представлений, которые неоднократно использовались в некоторых современных дефинициях дискурса. Возражая против сугубо психологического понимания языковой системы, Л.В. Щерба писал: «... все языковые величины, с которыми мы оперируем в словаре и грамматике, будучи концептами, в непосредственном опыте (ни в психологическом, ни в физиологическом) нам вовсе не даны, а могут выводиться нами лишь из процессов говорения и понимания, которые я называю в такой их функции языковым материалом (третий аспект языковых явлений). Под этим последним я понимаю, следовательно, не деятельность отдельных индивидов, а совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или иную эпоху жизни данной общественной группы. На языке лингвистов это тексты (которые, к сожалению, обычно бывают лишены вышеупомянутой обстановки); в представлении старого филолога это литература, рукописи, книги» [11, 26]. То, что Л.В. Щерба считает языковым материалом, сейчас назвали бы дискурсом в широком понимании и дает основание для «добавления», а именно, расширения временных рамок по отношению к «совокупности всего говоримого и понимаемого», что нашло отражение в такой дефиниции: «Определим дискурс следующим образом: это все, что было написано, сказано и понято до настоящего момента, все, что говорится, пишется и понимается в настоящий момент, и все, что будет сказано, написано и понято на том или ином языке за всю историю его существования и все его возможное будущее существование, т.е. это гигантская цепь всего, что произвел, производит и может произвести естественный (или искусственный) язык в виде ткани из множества высказываний, «упакованных» в виде текстов, которые обслуживали и обслуживают языковое сообщество в процессе переживания им реальных событий прошлого и настоящего, а также при дискурсивном оформлении событий, которые неминуемо будут пережиты в будущем» [12, 33]. Из этого следует, что текст – это лишь часть дискурса, дискретная единица и языковая репрезентация реально существовавших, существующих и «возможных» миров. Такое, глобальное (панхроническое и панлокальное), понимание дискурса делает весьма затруднительным установление границ рассматриваемого понятия и, соответственно, отличия его от общепринятых понятий речи и речевой деятельности, а также языка вообще. Вместе с тем та-

кое рассмотрение дискурса в «расширяющейся плоскости» отражает тенденцию к включению его в общеполитический и общегуманитарный контекст научной рефлексии.

Таким образом, обзор основных концепций дискурса показывает, что всестороннее описание его невозможно пока в рамках какой-либо одной теории, поэтому логичным представляется поэтапный, «пошаговый» подход к определению дискурса как многостороннего лингвистического понятия, т.е. описание его в разном приближении и через разную его манифестацию, от конкретно-эмпирической в виде речевых

проявлений (текстов) до изначально-глубинных, когнитивных. При таком подходе будут учтены все аспекты дискурса, прежде всего собственно лингвистические (или психолингвистические), без учета которых другие интерпретации будут отражать лишь экстралингвистические признаки дискурса. В принципе последние должны в описаниях как бы надстраиваться над собственно лингвистическими характеристиками, тем самым способствуя формированию объемного, многостороннего и в конечном счете целостного представления об этом сложном междисциплинарном понятии современной науки.

Литература

- 1 Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
- 2 Николаева Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1978. – Вып. 8. – С. 5-39.
- 3 Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 224 с.
- 4 Марианне В., Йоргенсен, Луиза Дж. Филлипс. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2008. – 352 с.
- 5 Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сборник обзоров. – М.: РАН ИНИОН, 2000. – С. 7-25.
- 6 Лингвистический энциклопедический словарь / Отв. ред. В.И. Ярцева. – М.: Научное изд-во «Большая российская энциклопедия», 2002. – 507 с.
- 7 Кибрик А.А., Плунгян В.А. Функционализм // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – С. 276-339.
- 8 Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века. – М.: Наука, 1995. – С. 35-73.
- 9 Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
- 10 Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – 614 с.
- 11 Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
- 12 Киров Е.Ф. Цепь событий и дискурс в философии языка (начала дискурсивной лингвистики) // Вестник нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Филология. – Нижний Новгород, 2001. – Вып. 1(3). – С. 31-53.

References

- 1 Makarov M.L. Osnovy teorii diskursa. – M.: ITDGK «Gnosis», 2003. – 280 s.
- 2 Nikolaeva T.M. Kratkiy slovar' terminov lingvistiki teksta // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. – M.: Progress, 1978. – Vyp. 8. – S. 5-39.
- 3 Prohorov Yu.E. Deystvitel'nost'. Tekst. Diskurs. – M.: Flinta: Nauka, 2009. – 224 s.
- 4 Marianne V., Yorgensen, Luiza Dzh. Fillips. Diskurs-analiz. Teoriya i metod / Per. s angl. – Har'kov: Gumanitarnyj Tsentr, 2008. – 352 s.
- 5 Kubryakova E.S. O ponyatiyah diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoy lingvistike (Obzor) // Diskurs, rech', rechevaya deyatel'nost': funktsional'nye i strukturnye aspekty: Sbornik obzorov. – M.: RAN INION, 2000. – S. 7-25.
- 6 Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' / Otв. red. V.I. Yartseva. – M.: Nauchnoe izd-vo «Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya», 2002. – 507 s.
- 7 Kibrik A.A., Plungyan V.A. Funktsionalizm // Sovremennaya amerikanskaya lingvistika: Fundamental'nye napravleniya. – M.: Editorial URSS, 2002. – S. 276-339.
- 8 Stepanov Yu.S. Al'ternativnyj mir, Diskurs, Fakt i printsip Prichinnosti // Yazyk i nauka kontsa 20 veka. – M.: Nauka, 1995. – S. 35-73.
- 9 Deyk T.A. van. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya. – Blagoveschensk: BGK im. I.A. Boduena de Kurtene, 2000. – 308 s.
- 10 Potebnya A.A. Estetika i poetika. – M.: Iskusstvo, 1976. – 614 s.
- 11 Scherba L.V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'. – L.: Nauka, 1974. – 428 s.
- 12 Kirov E.F. Tsep' sobyitij i diskurs v filosofii yazyka (nachala diskursivnoy lingvistiki) // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya Filologiya. – Nizhniy Novgorod, 2001. – Vyp. 1(3). – S. 31-53.